

Вступление

Одно из первых дел, которые я должен сделать, развивая свою Защитную речь, направленную против капиталистической системы, — это освобождение от стереотипов капиталистического мышления. Подобно тому, как в исламе, приступая к какому-то делу, обязательно произносят «бисмиллах», так и в капитализме есть свои священные атрибуты. Если мы хотим, на что я надеюсь, избавиться от господства капитализма, то в первую очередь должны отвергнуть его «молитву о намерениях». Прежде всего, это навязанный капитализмом т. н. «научный метод». То, о чем они говорят, это отнюдь не «нравственность и этика свободы», прошедшие через фильтры социальной жизни, без которой невозможно существование человеческого общества. Напротив, речь идет о самом распространенном рабском мышлении, способствующем тому, что нравственность свободы предается забвению, разлагается и деградирует; речь идет о материальной и духовной культуре, помогающей дальнейшему развитию такого мышления.

Стремясь освободиться от этого, я понимаю, что основополагающим аргументом для меня не может быть ничто, кроме МЕНЯ САМОГО. Декарт, подвергая все и вся сомнению при помощи своей философии, в конце концов, остался одинок. Неужели он должен был сомневаться в самом себе?! Важнее всего другое: как он оказался в таком положении? Мы знаем, что в истории есть несколько аналогичных эволюций. Первые примеры, достойные упоминания, — это создание шумерскими жрецами образа богов, глубокие сомнения пророка Авраама в религиозных вопросах (последним примером являются скитания пророка Мухаммеда и поисках Бога), скептицизм (подозрения) Иоанна. Прежние формы мышления, к которым общество приобщается на этих исторических этапах, но которые следовало бы категорически отвергнуть, способны коренным образом формировать общество, привести его к определенным стилям. По меньшей мере, они могут обеспечить действие основополагающей парадигмы. Основной причиной сомнения является недостаточность фундаментального мышления (можно также назвать это идеологическим структурализмом), обнаруживающаяся перед формирующимся новым стилем жизни. Но возникновение новых форм мышления, необходимых для нового стиля жизни, проходит очень тяжело и требует фундаментального личностного прорыва. Как бы это ни называли — пастырское служение пророков, философский этап или научные поиски — в основе своей на каждом из этих путей идет поиск ответов, способных удовлетворить те же потребности.

Как же будут формироваться шаблоны мышления, незаменимые для нового жизненного стиля? Особенностью этой переходной стадии является ужасающий скептицизм.

Великая жизнь Декарта, Спинозы и Эразма Роттердамского в регионе, ставшем колыбелью глубокого прорыва капитализма в XVI веке (примерно территория современной Голландии), несет на себе отпечатки значительной исторической вехи.

История моей жизни начинается с середины прошлого столетия. Это тот самый период, когда капитализм достиг вершины своей эпохальной экспансии. Местом развития моей личной истории стала Верхняя Месопотамия, являющаяся наиболее благодатным ареалом знаменитого Плодородного (Золотого) Полумесяца, окруженного Тавро-Загросской горной системой, пережившей на протяжении длительного периода и неолитической эпохи сельскую революцию, шаблоны мышления которой живы и поныне, и устоев городской цивилизации. Это предгорья, способствовавшие первому шагу навстречу цивилизации. Это — основные территории, где был воплощен выдающийся переход к неолиту (храмовые культуры, окруженные большими каменными глыбами, установленными 12 тысяч лет назад).

Я уже не раз говорил о том, что мое заточение на острове Имралы спровоцировано адептами капиталистической системы в крайней форме, подобно тому, как Прометей некогда был прикован к Кавказским горам по велению Зевса. Это обязывает сделать анализ недостатков системы, тяжело будет осознать смысл, не вспомнив и не проанализировав заново эти исторические реалии. Мои проблемы с Турецкой Республикой мало чем отличаются от испанской корриды, где разъяренные быки набрасываются на красные тряпки. Турецкая Республика, несомненно, доведена до уровня этой самой корриды. Ей уготована такая роль, и ей хочется играть эту роль постоянно и с успехом. Но нам — мне — нужно охарактеризовать всех истинных хозяев той игры в ракурсе всех жизненных реалий.

Для того, чтобы избежать грубых ошибок, касающихся цельности общества, надо совершенно серьезно вспомнить пример Карла Маркса. Не может быть никаких сомнений в том, что Маркс был или хотел быть, тем самым передовым человеком, который стремился проанализировать капитализм и избавиться от него. Но фундаментальные социальные перемены, вдохновленные его учением, сослужили самую верную службу капитализму, и это является общепринятым мнением. В этом смысле совершенно очевидно, что я никогда не опущусь до уровня типичного верноподданного марксиста.

Достойно понимания то, что, пытаясь охарактеризовать собственную личность, я исхожу из фундаментальных параметров. Каковы они? Это переход к неолиту и последствия неолитического мышления, традиции и обычаи повседневной жизни, иерархия власти, основанная на городской цивилизации, государственные культуры и, наконец, реалии капиталистической игры, достигшей невиданных масштабов, не поддающихся сравнению с каким-либо другим периодом.

Надо сказать еще о самом низшем слое: это отличительные особенности человеческого вида. Это риск, к которому человечество прибегает во имя жизни, и легкость, с которой она проживается.

Излагая эти строки, я осознаю свое место в рамках господства капитализма. Я не собираюсь отрицать того, что я живу, основываясь на этом, или того, что мне уготована участь Прометея. Я развиваю свои познавательные способности и смысл моей силы при помощи новых и новых откровений. Если исходить из известных примеров, то можно увидеть, что Мани перед силой власти Сасанидов, имам Хусейн, Халладжи Мансур, Сухреверди по отношению к исламскому халифату, с одной стороны, и сотни святых, родившихся в христианстве, с другой стороны, более того, жертвы власти, бежавшие от ужасов

буддистской традиции, те, кто прошел через огни инквизиции, а также ужасы капитализма, приводящие к уничтожению целых наций, — все это главные примеры, подтвержденные письменной историей. Общей особенностью этих удачных примеров является их упорство в понимании смысла жизни. Они не хотели останавливаться перед барьером, поставленным между ними и жизнью. В этом заключалась их «вина».

Причины того, что дилемма «жизнь-смерть» доведена до ужасающего тупика, являются сугубо социальными. В основе своей нет смерти в той форме, о которой нам пытаются навязчиво говорить, равно как нет никакой связи между реальной жизнью и той жизнью, которая постоянно рекламируется. Мы должны понять то, что симуляция, под которым следует понимать механическое подражание жизни, сделано нашим образом жизни. Самособычное уважительное отношение к жизни требует освобождения из этого проклятого порочного круга.

Мне уже седьмой десяток. Жизненные интересы, имевшиеся у меня до поступления в начальную школу, в основе своей не преодолены. Я и по сей день нахожусь в тех же рамках. Я не могу «вырасти над собой» в границах узаконенного капитализма. В таких пределах возможна или мнимая жизнь, или участь жалкого беспозвоночного. Или все вместе: симуляция, фальшь, участь червяка, ложь, бессовестность, грязь, невежество. Однако жизнь надо воспринимать выше всех ценностей. Основная функция жизни заключается в том, что она должна быть понятой. Умение понимать означает жить. Умение жить необходимо для понимания. Я не считаю, что у Космоса может быть какое-либо иное толкование. Понимая, что абсолютный смысл настолько труднодостижим, что близок к невозможному, я также решительно считаю, что это — реальность, являющаяся двигателем жизни. Никакая сила не может быть выше силы смысла или не может быть выше мнимой демонстрации силы.

Я должен вновь обратиться к собственному примеру. Эти так называемые «параметры жизни» не только неспособны удовлетворить все жизненные интересы, но и стали основной причиной моего глубокого скептицизма. Я не только подозреваю, но и испытываю отвращение.

Факты смертельного поражения неизлечимой болезнью становятся неотвратимыми там, где система защиты смысла жизни дает сбой или бессмысленность преподносится под личиной смысла. Причины этих фактов имеют однозначно социальный характер. То, что раковая опухоль является социальной болезнью, обычная истина антропологии. Эта болезнь возникает тогда, когда бессмысленность или накопление тупого материала поражает клетку.

Некоторые мои определения в качестве ответа на ряд вопросов, которые могут быть мне заданы, — это дань уважения. Когда я только приступил к написанию этой книги, делегация высшей исполнительной власти Турецкой Республики вместе с представителями исполнительной власти США, заявила следующее: «Мы объявляем РПК общим врагом правительств США, Турции и Ирака». Поэтому необходимо осознать всю глубину категорий времени и места, имеющих ко мне отношение.

Я хочу сказать следующее: капиталистический стиль жизни не по мне. Не могу отрицать того, что временами старался привыкнуть, но я точно понимаю, что у меня совершенно нет никаких шансов на успех в этом плане. Я также осознаю, что не смогу стать «мужчиной-мужем» в том понимании, которое уже сформировалось. Можно сказать, с точки зрения системы я смешон. Но лично я считаю систему чудовищной, кровавой, угнетательской и эксплуататорской. В ракурсе экзистенциализма этих явлений отвратительная сущность жизни является неким противоположным параметром или парадигмой моей жизненной философии. Я уверен в том, что отнюдь не преувеличиваю собственную значимость. Но я понимаю, что моя способность защитить себя как человека является и основным симптомом жизни, и моей основной нравственной обязанностью перед теми, кто одержим полноценной социальной жизнью. Если говорить о гражданской позиции, но не о той, которая определена властями и которую я не воспринял, а о той, которую надо воспринимать всерьез, то нравственный долг требует исполнения всех обязанностей, накладываемых этим понятием. Проблема заключается не в жизни или смерти, а в умении жить правильно, и если даже нам не удастся правильно прожить жизнь, важнее всего будет продолжать свой путь, не отказываясь от поиска смысла жизни.

В капиталистической системе узаконено предательство, развившееся сильнее, чем пропасть между словом и делом, и не имеющее аналогов в истории. Слова существуют как будто для того, чтобы оболгать любые начинания. Невиданным образом дело превращено в механическую деталь, задействованную на службе являющейся гегемоном системе.

Многие исторические примеры свидетельствуют о том, что без тщательного анализа природы капитализма, находящегося на вселенской имперской стадии, любые попытки создания программ и форм свободной жизни будут обречены на всякого рода искажения. Никакие слова или действия не возымеют действия, иными словами, не смогут сыграть своей роли на территории теоретического и практического противника. До тех пор, пока в отношении терминов и практических методов современного капитализма, занимающего позиции гегемона на протяжении как минимум четырех столетий, не будут разработаны методики, аналогичные по стилю мышления пророков и буддизма, мы так и будем неразумно лить воду на мельницу системы. Было создано немало антикапиталистических учений. При этом надо однозначно признать, что на данной стадии большинство этих усилий так и остались на уровне неосознанной поддержки капитализма.

Я совершенно не считаю сильным капитализм, находящийся сейчас на пике своего развития в мировом масштабе. Более того, может быть, именно на этой стадии он переживает свои наихудшие времена. В принципе, капитализм во все времена был уязвим и беззащитен перед разломом. Но никак не удастся добиться того, чтобы общество обрело способность правильно и эффективно защищать себя от капитализма. Капиталистическая гегемония, которую можно было бы охарактеризовать как социальную раковую опухоль, причем не в качестве фигурального сравнения, а как реальную действительность, не может быть истолкована как рок, аналогичный прочим поворотам судьбы. Капитализм можно назвать самой слабой системой-гегемоном. Необходимо точное и результативное переживание социальной жизни, даже если это делается в одном — единственном лице. На протяжении истории часто встречались примеры того, как в противостоянии с «сильным человеком» или «гегемоном» применялось их же оружие. Аналогичность, и в смысле мировоззрения, и в

практическом смысле, порождает схожие явления. Это и происходит. Так, в противовес Риму зарождалась масса аналогов Рима. Если обратиться к более древним примерам, увидим, что оригинальный город Урук до сих пор генерируется в виде так называемого «Нового Ирака». Изменений мало, повторений масса.

Очень важно не преувеличивать смысл гегемонии. Общества, также как никогда не воспринимали добровольно власть, эксплуатацию, угнетение, не считали, что жизни без этого не может быть. Надо избавиться и от таких пустых и бессмысленных понятий, как «новейшее общество», несхожие друг с другом «формы общества». Общества развиваются как формы существования человеческого вида, но обязательно сохраняют схожесть друг с другом. Если любовь слепа, то она может привести к самым низким поступкам, стать наиболее воинствующим состоянием невежества, причем это касается как любви к власти, так и любви между представителями различных полов. Но любовь, полная смысла, становится нирваной, неким апогеем, растворением в реальности. Это «Энель» — право, способность свободного общества утвердить себя в роли гегемона, что является состоянием полнейшей демократии.

Я уверен, что поступил совершенно правильно, устояв перед порядками крестьянской общины. Ошибка моя заключалась в том, что я посчитал современный капитализм лучом света в темном царстве. Несмотря на то, что сельская община еще не дошла до уровня демократизации и находится на значительном расстоянии от таких фундаментальных категорий, как национальное государство и индустриализация, радикальный отрыв был глубокой ошибкой. Именно здесь кроется серьезный источник моего разочарования. Мой отец, которого вспоминаю я не очень часто, правильно распознал мою жизненную энергию и, говоря мне в лицо весьма горькую истину, был справедлив настолько же, насколько и моя мать. Он изрек такую мудрую фразу, которую я вспоминаю и по сей день: «Когда я умру, ты и слезы не уронишь». Он был из верующих людей старого мира, из мира труда и по-своему был демократом. Я по сей день пытаюсь разобраться в том, как божество капитализма смогло утвердить во мне свою проклятую и лживую притягательность.

Карл Маркс, скорее всего, пытался исследовать капитализм на базе позитивистских воззрений, но это было половинчатым. Он даже не пытался коснуться вопросов власти и государства. Я никогда не находил глубоким такой подход. Я осознаю такое явление, как эксплуатация, однако мне это всегда казалось итогом. Ноте, кто приступает к делу с результата, демонстрируют недостаточный подход полную политическую беззащитность. По сути, имели место революционные события, аналогичные 1848 году. Очень заметно наблюдалось движение буржуазии к власти — точно так, как распадался институт сеньоров и их воплощение. Имела место тесная связь с экономикой, политикой, философией и социализмом. Однако пути, как осьминог, охватившие подавляющее большинство неимущих трудящихся масс всех обществ, не только не позволили осознать смысл вновь возникшего явления власти, но даже не смогли воспрепятствовать превращению собственной систематики в инструмент этой власти. Не удалось понять того, что предлагаемая теоретически-практическая модель фактически служит почвой для капиталистической гегемонии. Именно с этим непониманием тесно связан тот факт, что самый последний пример — китайский — стал наиболее сильной опорой капиталистического гегемона — США.

Основной причиной мощи капиталистической гегемонии является соревновательность в добровольном рабстве, заложенном капитализмом. Есть ли сегодня хоть один рабочий, возражающий против высокой зарплаты? Ситуация действительно печальна.

По мере моего углубления в борьбе с капитализмом мне на ум постоянно приходят взаимоотношения между мужем и женой. Если муж смог обеспечить жене нормальную жизнь в соответствии с ситуацией, то очень трудно ожидать от этой женщины открытого противостояния собственному супругу. То же самое происходит с рабочим, которому капиталист платит хорошую зарплату: никакая сила не может заставить этого рабочего бороться со своим господином. Что уж там говорить о независимости, если работник, делающий реверансы перед своим господином в обмен на примитивную зарплату, превращается в верного слугу системы по отношению к широким социальным слоям. На фоне стремительного роста безработицы рабочий, находящийся, подобно государственному чиновнику, в стабильном положении, может быть, даже больше него ощущает свою уверенность в жизни.

Насколько имеет место пролетаризация государственного бюрократа, настолько же часто происходит бюрократизация в рядах пролетариев. Аналогия слияния буржуазной аристократии с феодальной аристократией в самом ее пике в данном случае реализуется во взаимоотношениях рабочего и чиновника.

Городское общество, подобно магниту вытянувшее меня из села, в своем раскрытом виде является для меня местом формирования социальной проблемы. Главным виновником внутреннего разложения общества и его отрыва от окружающей среды стали город и социум, формированию которого он способствовал. Точнее, это общество, сложившееся в городе, принадлежащем цивилизации классового государства. Даже самое примитивное клановое общество не так невежественно по отношению к жизни, как городская цивилизация. Напротив, если цивилизованное городское общество на капиталистической стадии полностью превратилось в убийцу окружающей среды, виной тому систематический рост невежества, присутствующий в самой структуре этого общества.

Гендерный фактор, давно уже оторвавшийся от чувственного мышления, потерявший разум и смысл, является основным показателем самоубийственной сущности капитализма. Подобно тому, как во имя власти люди могут прибегнуть даже к ядерной угрозе и ради обретения дешевой рабочей силы поощряется совершенно недопустимый демографический рост, и все это связано с сущностью системы, в особенности — с формированием власти. Мировые войны, колониальные войны и войны за власть, воздействующие на общество до мозга костей, — это конкретное выражение тупика, в который зашло общество.

Очень часто выдвигаются вперед либерализм и индивидуализм, как основные идеологические оси развития капитализма. Но я смею утверждать, что никакая система не заключила индивид в самом себе так, как это сделала идеологическая гегемония капитализма.

Могут сказать, что язык, на котором я говорю по сей день, не так далеко отошел от системы, а, значит, я и сам являюсь продуктом системы. Но место, в котором я нахожусь, достойно

статуса противостояния системе. Я прекрасно понимаю, что в моем лице осуждается и осуждает глубокий антикапиталист. Осуждение, естественно, во много раз превосходит закон. В жерновах четырехвековой капиталистической гегемонии растворились и канули в Лету бесчисленные национальные культуры. Место, где я рос, стало чуть ли кладбищем древних культур. Если глубоко копнуть, то везде обнаружатся разные культуры. Курдский народ, которому я должен принадлежать, но который до сих пор полностью себя не осознал, похож на свидетеля этого безмолвия на кладбище древних культур. Очень больно осознавать то, что сравниваются с землей могильники культур, создавших чуть ли не все принципы истории. Сегодняшний ужас, происходящий в Ираке, в каком-то смысле является мезью этих культур.

Надо защитить культуру Ближнего и Среднего Востока от натиска капитализма. Несомненно, эта не та задача, которую можно было бы решить, не разрушив шаблонов западного ориентализма. Что касается неоисламизма, то это — до мозга костей результат грубого ориентализма. Большая или меньшая ясность будет внесена только после того, как полностью преодолется влияние ориентализма и исламизма вместе с их левыми и правыми толкованиями. Моя Защитная речь по-настоящему продолжится именно с этого момента. В противном случае мне не удастся избежать участи глашатая идей той самой системы, которая уже давно представляет собой одну сплошную блевотину. И это будет не Защитная речь, а подражание попугая. Географией победы капитализма являются побережье Западной Европы и островная Англия. Уже четыре столетия капитализм продолжает свой победный поход на уровне мировой системы. Капитализм споткнулся только в сердце древней культуры Ближнего и Среднего Востока. В сущности, капитализм является последним неблагодарным детищем этой самой культуры, отрицающим ее значение. Столкновения между ними гораздо глубже, нежели это принято считать. То, что сейчас происходит, можно назвать войной невежд. Стороны постоянно пытаются копировать Александра Македонского и Дария III. Насколько Дж. Буш похож на Александра, настолько же Ахмединежад похож на Дария. Диалектическое противоречие развивается на большой глубине при значительном разнообразии форм, и это противоречие не просто озвучивается господствующими кланами — существующая в обществе оппозиция также активно участвует в этом.

То, что сказано обо мне, и то, что я стараюсь сказать сам, — это комплексные формы оппозиции. Вылавливание капиталистами прибыли — одна из этих форм. Но противостояния этому явлению вовсе недостаточно для того, чтобы быть социалистом. Это также не является обещанием самостоятельного успеха. Пока не удастся в полной гармонии теории и практики, чуть ли не в оркестровом стиле, исполнить все формы сопротивления и свободной жизни, не удастся избежать таких крайностей, как «Проклятие Агаде» или «Элегия Ниппуру».

Все, что мною пережито, в представлении моих друзей и товарищей тоже является тяжелой трагедией. Но все должны быть уверены в том, что не будь этой трагедии, мы бы не пошали сущности свободной жизни. Как же мы будем смотреть друг другу в глаза, если все вокруг обесценено до безобразия?! О какой достойной жизни мог говорить сын, не проронивший и слезинки на могиле отца?! Не хочу быть неверно понятым, но в тот самый год, когда умер мой отец, я начал в предгорьях горы Арарат свой первый поход по Курдистану,

вооружившись идеалами свободной личности. Я слышал, что курды из Серхата и по сей день со священным трепетом вспоминают каждый шаг этого похода. Но наша действительность по-прежнему тяжелой глыбой стоит на своем месте. Прошло тридцать пять лет с того памятного похода, который можно было бы назвать марафоном, но в этих строках оживает буквально все. Чем же завершится этот марафон, каждое дыхание, каждый пункт и каждый участник которого стал буквально легендой?

Если бы мне удалось силами своей армии единомышленников по-македонски завоевывать одну победу за другой, это однозначно не могло бы считаться победой свободы. Что касается военных викторий, то они приносят не свободу, а новое порабощение. Ценность таких побед может быть очевидна только в том случае, если защищаешь себя, друзей или товарищей. Напротив, я считаю, что, защищая себя от победы, достигнутой властями, я, как минимум, защищаюсь от самих властей. Если бы это было так, я считал бы самой священной войной самозащиту от побед своих же войск.

В нашей реальности бытие превратилось в способ выживания, полностью утерев свой смысл. Наша жизнь превратилась в месиво из ужасающей лжи, грязи и сквернословия, пронизавших все ее сферы. Если мне удастся выживать на протяжении девяти лет в своей одиночной камере, то это еще и потому, что за пределами этой тюрьмы обстановка гораздо хуже. Если моя защита главным потоком развивалась в противовес процессам цивилизации, то против капиталистической гегемонии она обретет еще более фундаментальный характер. Есть много признаков наступления конца капиталистической системы, и по-настоящему мудрые люди едины в своем мнении по этому поводу. Вопрос заключается лишь в том, какие здоровые, свободные и демократичные пути выхода из этой ситуации обретут поистине глобальный социальный характер.

На фоне того, как даже капиталистическая система в основе своей пытается освободиться от самой себя, становится ясной, какое глубокое внимание мы должны уделить процессам общественного строительства. Хотя двухсотлетний опыт социализма ассимилировался в горнилах капитала, нам не следует превращаться в проклятых и неблагодарных, которые своими действиями могут способствовать тому, что память наших борцов за идеалы человечества постигнет та же участь. Более того, мы не можем утверждать, что Сократ, Будда и Зороастр навеки умолкли, некогда сказав свои последние слова. Если и сегодня нам покажется бессмысленной актуализация их учений, как мы считали это еще вчера, то это будет означать, что мы совершенно ничего не понимаем в философии свободы. Более того, о какой жизни можно будет говорить, не ответив на страдание той части человечества, жизнь которой превращена в один сплошной стон, не остановив потребительское отношение к природе, не ответив на животрепещущие вопросы любви, поставленной на путь предательства?!

Первое, что я хотел бы уточнить в отношении научности своей Защитной речи, — это вопрос о том, что иметь в виду под словом «научность». Если наука в основе своей — это «познание самого себя», то роль позитивизма, больше всего освоенного системой в качестве своей официальной идеологии, заключается в том, что он отдаляет нас от этой действительности, хотя порой и принято считать совершенно иначе. Не исключено, что религиозная и метафизическая ступени развития, больше всего критикуемые позитивистами, гораздо

ближе к науке, нежели сам позитивизм. Безусловно, речь идет, прежде всего, о гуманитарных науках. Что касается таких дисциплин, которые называются естественными науками, в конечном счете, и они могут быть включены в категорию гуманитарных наук. Может быть, даже метафизика и религия сами по себе являются позитивизмом. Ни на одной из ступеней своей истории человечеству еще не приходилось столь диким образом освободиться от своих цепей. Более того, никогда человечество еще не было связано так крепко. Никогда еще природа и общество не были объектом столь жестокой эксплуатации со стороны власти. Это стало возможно только с помощью применения позитивистской религии и метафизики.

До тех пор, пока не удастся познать самих себя, итогом любых научных усилий станут самая опасная догматическая религия и философия. Говоря о самопознании, я совсем не имею в виду эгоцентричное мышление. Я хочу сказать, что космос и хаос мы сможем понять путем внутренних наблюдений и чувств, не исключая глубокий опыт. В соответствующей главе я покажу, как наука, основанная на разделении субъекта и объекта, превращается в легализацию рабства. Я также постараюсь убедить вас в том, что в эту же дверь ломится субъективизм с характерным для него возвеличиванием и крайним уничтожением. В том же ракурсе я докажу, что научный объективизм является сторонником самого мерзкого капитализма и гегемонии. Что касается нашей философии, она воспринимает жизнь как единое целое, пытаясь осознать смысл, кроющийся во взгляде лошади и в голосах птиц. Наша философия полна уважения к пожилому мудрецу и в то же время пытается стать ответом на любые вопросы в глазах трепетной, как лань, молодой девушки. Наша философия основывается на науке, стремящейся не только выявить причины грубейшего невежества, укоренившегося в детской природе как результат неправильного гендерного воспитания, в определенном смысле худшего, нежели геноцид. Наша философия основывается на науке, которая пытается на основе себя осознать все звенья эволюции.

Капитализм не развил науку, а использовал ее. Такое использование науки не ограничивается только лишь негативными последствиями сугубо нравственного характера, оно чревато глобальным распространением трагедии Хиросимы. Такое использование также становится концом осмысленной жизни. Разве можно считать медиативную жизнь, симуляцию победой науки? Или это все же потеря смысла жизни?! Я здесь не имею в виду технологию и научные открытия. Я просто хочу подчеркнуть, что не может считаться наукой позитивизм, являющийся, в сущности, религией «научности».

Без освобождения от «псевдонаучного» господства позитивизма нельзя освободиться от влияния любого рода власти, в первую очередь, конгломерата национального государства. Позитивизм стал самым настоящим идолопоклонничеством современности.

В итоге скажу, что пессимизм, подобный «декартовому», буквально поразил мое мышление. Я оказался неспособен признать какую-либо ценность, которой можно было бы верить и ощутить с ней связь. Это исходило как от трагической утери в моей душе старой культуры, так и от страха перед недоступностью современного капитализма, возвышавшегося на моих глазах, подобно чудовищу Левиафану. Я едва ли верил себе. Точнее говоря, я старался устоять. Несомненно, это очень странная ситуация. В таких случаях каждое общество находит свой путь и связывает умы и сердца своих членов. Станным было другое — я даже

не верил в то, что я могу принадлежать к какому-то обществу. В этих условиях я потерял веру в семью и традиционный сельский уклад жизни. Моя учеба в университете, революционные настроения, прежняя религиозность — все это было показное, типа пускай друзья видят, что я занят делом. Я не был даже убежденным нигилистом. Я не мог всей душой осознать какую-либо тему, чтобы коренным образом взяться за ее воплощение. Интересно то, что все мое окружение, в первую очередь, мои учителя, считали меня умным и убежденным человеком. Я же был уверен, что я своего рода наполовину сумасшедший, наполовину нет. Однако сейчас, с высоты прожитых лет, оглядываясь в прошлое, я вижу, что этот длительный период не прошел бесполезно. Эти годы обогатили смыслом мой отрыв от действительности и привязанность к определенным идеям, они помогли открыть чистую страницу и подготовить соответствующую почву в моем непрерывном стремлении к истине.

Эта особенность моей личности позволила мне гораздо лучше осознать структурный кризис системы-гегемона. Более того, я обрел силу, позволяющую мне толковать историю. Я обогатился идеалами, позволяющими мне не только не бояться хаотической среды, но загрузить ее смыслом и оторваться от нее. Высшая степень моего спокойствия наступила тогда, когда я понял, что догматические верования, движение по прямым линиям, научная конкретика и строгая законность основаны на этом же господствующем мышлении. Мое умение спокойно воспринимать размеры отражения в человеке перерабатывающих возможностей природы буквально способствовали взрывному скачку в моих знаниях. По мере того, как я научился преодолевать отчуждение от самого себя, лежащее в основе страха и сомнений, высокая сила понимания и способности к толкованию с лихвой давали знания и смелость, необходимые в любых условиях человеческой жизни. В моих силах оказалось умение без необходимости глубоких исследований и ссылки на конъюнктурные сроки расценить капитализм как кризисный режим. Капиталистическая стадия цивилизации, основанной на городе, классе и государстве, не только стала последней стадией развития человеческого мышления, но подчеркнула факт истощения традиционного и формирование свободолобивого мышления. В этом смысле современный капитализм может считаться эпохой надежды.

Версия #3

Зверобой создал 16 августа 2025 12:04:22

Зверобой обновил 25 декабря 2025 22:38:48